

ПУТЬ
СКВОЗЬ
ТЬМУ

16+

МИХАИЛ ИГНАТОВ

Михаил Павлович Игнатов

Путь сквозь тьму

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48010058

SelfPub; 2021

Аннотация

Тебе тридцать. Ты всё ещё один. И не веришь в любовь. Уже не ищешь её. Но она непрошеной сама заявляется к тебе. И... ты оказываешься у разбитого корыта, окутанный темной разочарования. Потому что она – не может быть твоей. Мелькнет ли свет выхода впереди? Или тебе суждено кануть во тьме тоски? На этот раз навсегда...

Михаил Игнатов

Путь сквозь тьму

Темнота может скрыть деревья и цветы от глаз, но она не может спрятать Любовь от души.

Джебран Халиль Джебран

И шагая в темноте, в многолюдной пустоте, в плену зеркал тебя искал.

Алиса Осенина

Моей жене, которая не читает женских романов.

Полумрак

Виктор переложил телефон и карточку из тёплой куртки в джинсы, улыбнулся девочке за стойкой и двинулся во второй зал. Очередной год близится к концу. Очередной корпоратив, как стало модно говорить последние годы, ждёт его. Хотя работать он начал тогда, когда это честно называли пьянкой и с удовольствием организовывали каждые пару месяцев. Но жизнь течёт, всё меняется. Теперь это случается лишь два раза в год. И покрывало на траве в ближайшей лесопосадке за городом сменили накрытые скатертью столы. На день основания фирмы и Новый год.

Встречи стали реже, требования жёстче. Теперь трёхдневная щетина после завалов на работе привлекает укоризненное внимание руководства и неодобрительные взгляды женщин. Общество, приличия. Пришлось скоблиться перед выходом из дома.

Большой зал с широкими колоннами, подпирающими потолок. Всё погружено в полумрак, разгоняемый работой лазерных проекторов шоу-системы. Длинные столы вдоль стен, оставляющие место в центре для танцев. Служебная дверь во внутренние помещения. Стойка бара. Пульт ведущего на небольшом подиуме. Оглядев зал, Виктор уверенно двинулся к своим. Его уже заметили и махали руками. Возможно, и что-то кричали. Но ведущая праздника старалась, и очередная поставленная песня просто оглушала после тишины заснеженной улицы.

– Здорово! – со всех концов стола тянулись мужские руки для приветствия.

Тем, кто его заметил за дальним концом стола, Виктор продемонстрировал символическое рукопожатие над головой. Весь вечер впереди, а директор после смены блюд заставит коллектив пересаживаться. Тогда Виктор и с остальными поручкается. Признаться, эти моменты на корпоративе он не любил. Если в начале праздника есть возможность кучковаться по своим интересам, не зря же Пашка место придержал, то затем. . . Виктор в свои тридцать оставался всё ещё не женат и часто становился объектом корыстного интереса

женщин конторы. Если уж не лично для себя, то обязательно найдётся очередная подруга, с которой его нужно познакомиться. А он от этого уже устал. Не сегодня.

Не то что чтобы Виктор был женоненавистником. Нет, в его жизни нередко появлялись женщины. И те, с кем его сводили в конторе, и те, с которыми он знакомился сам. Но вот длительных отношений не получалось. Да... Сложные времена на дворе. Для одних он оказывался слишком правильный. Для других слишком бедный. Третьи ждали от него страсти, которую он не хотел играть. Случались и у него претензии к девушкам. Да... Не надо о грустном. Ведь на дворе отличная новогодняя пора. Впервые за последние годы зима радовала настоящей снежной погодой. В бокале вкусное вино, звучит музыка. Нужно веселиться.

Сначала, конечно, все разговоры за столом звучали о работе. Это было ожидаемо. Этот край стола сейчас оставался почти полностью мужской: дневной персонал выездных бригад, ребята из дежурных. Но чем дальше, тем больше разнообразных тем затрагивалось за столом. Но всё это Виктора уже не волновало. Сделав очередной глоток терпкого вина, он окинул зал с танцующими фигурами. Здесь встречали Новый год пять или шесть организаций. А глядеть на веселье незнакомых людей тоже являлось частью развлечения на корпоративе. И тут взгляд Виктора внезапно споткнулся, а сердце зачастило.

Положа руку на бьющееся сердце, Виктор мог честно ска-

зять любому собеседнику, что ничего потрясающего в этой девушке быть не могло. Он всегда оставался критичен и честен и к себе, и к другим. Это тоже бывало причиной расставаний.

Не красавица. Симпатичная, миловидная молодая женщина. Но не более того. Как говорили во времена его учёбы – pretty woman. Даже его вкусам она не соответствовала. Чёрные короткие волосы до плеч. А он любил длинные и светлые. Невысокого роста. Тогда как он предпочитал на полголовы ниже его, не более, чтобы на каблуках спутница сравнилась с ним в росте, а не начала доставать до плеча. Но была ещё улыбка, которая преображала её лицо, озаряя его внутренним светом и приковывая взгляд. До этого момента Виктор считал подобное не более чем поэтическим вымыслом. Но ведь раньше он несколько раз мельком оглядывал девушку, которая пританцовывала под музыку в кругу подружек. И отводил мимолётный взгляд. Но эта улыбка... Она всё изменила. Будто осветила полумрак танцпола.

– Ты чего замер? – Виктора ткнули в бок, возвращая в реальность вечеринки.

– Нет, ничего, – он не стал говорить правду, поскольку и время и собеседник, изрядно поднявший градус в организме, к этому не располагали, – задумался.

– Меньше думай, больше празднуй! – бокал Виктора нагло перехватили, проверили и присвистнули. – Ты в своём репертуаре. Час с одним бокалом сидишь. Оно уже выдохлось!

– Да, ладно? – Виктор напоказ удивился и поднёс бокал к носу. – Незаметно. Значит, мне же лучше. Ты же знаешь. Я не люблю это дело.

– Что-то я тебе не верю! Не верю! Что ничего не случилось, – воскликнул Сергей, преодолевая громкость музыки. – Ты, аж в лице переменялся!

– Мысли, – пожал плечами Виктор. – Никуда от них не деться.

Подвыпивший Сергей погрозил пальцем и потерял интерес к разговору. Развернулся в другую сторону. А Виктор глотнул вина, покатал его на языке, уже не ощущая вкуса, и украдкой бросил взгляд на ту девушку. Теперь, выделив её один раз из толпы, глаза легко подмечали и мягкую пластику движений, и тонкую талию, и длинные, стройные ножки, выгодно обтянутые светлыми стрейч-брючками.

Виктор не понимал сам себя. Что с ним? Почему взгляд упорно возвращается в тот угол кафе? Легко было бы всё объяснить интересной и красивой девушкой. Для себя Виктор делил такие случаи на два типа. Первый, сравнивался им с любованием картиной или пейзажем. И никогда не заставлял биться его сердце чаще. Второй, сходный с охотничьим азартом, и впрямь заставлял его кровь бежать по жилам быстрее. Но решался просто – достаточно подойти и познакомиться. А там... Или да. Или одно из двух.

Но вот сейчас... Сейчас Виктор не находил в себе решимости даже просто встать. А ведь она даже не красавица. Что

с ним? Неужели, любовь? Да ещё и с первого взгляда? Виктор со скептической ухмылкой покрутил салфетку со стоящим бокалом.

Если даже говорить о простом влечении. Она ведь даже не в его вкусе!

– Не спи! Замёрзнешь! – Виктора стукнули по плечу кулачком, и рядом опустилась на стул Ленка из отдела учёта.

Похоже, Виктор пропустил смену блюд. Даже не заметив, как официантка сменила приборы перед ним. Елена, кстати, идеальный вариант соседки на дальнейший вечер. Удачно замужем. Двое детей. Вполне довольна браком и, главное, давно оставила попытки сводничества. Она у неё, кстати, вышла самая удачная. Её подруга. Виктор честно пытался построить с ней отношения. Они с Ольгой тогда сошлись, несколько месяцев жили вместе. Пытались найти общие точки и интересы. Притереться друг к другу. Не вышло.

Первой сдалась Ольга и предложила разбежаться. Вот так утром, за чашкой кофе – буднично просто – одной фразой. «Нам нужно расстаться». А ведь Виктор ещё ночью считал, что у них всё получается почти идеально. Он не стал унижаться просьбами остаться. Не стал спрашивать причин. Это её выбор. Но в душе его рухнул целый мир. Пусть безумной страсти не нашлось в их отношениях, но и они уже не подростки. Виктор думал, что и Ольга всё это понимает. И тут такой удар. К тому же она ему действительно нравилась – как женщина. И он прикладывал массу усилий, чтобы ей с ним

было хорошо. Не только ночью, но и в обыденные минуты жизни. Но...

Виктор улыбнулся, снова ощущая на губах горечь перегоревшей печали и боли, и протянул бокал Саньке-маленькому. Тот с готовностью наполнил его.

– Тост, Витя! Тост! – прервав погружение в воспоминания, поднятым бокалом он напомнил о своём существовании соседям и бурлящему застолью.

– В эти последние дни уходящего года, – душой компании Виктор не был. Но в подобных случаях «изобразить» тост умел. Виктор обвёл взглядом стол, подмечая, что в его окружении женщин всё же больше. Значит, для них. – Я хочу поднять этот бокал солнечного виноградного нектара за тех, чьи поцелуи так же сладки, как и он. За тех чья улыбка так же пьянит. А вкус губ также требует выпить их до дна. За женщин чьё тепло мы, мужчины, всегда хотим чувствовать рядом. За женщин в наступающем году!

– Ой, ой, ой! Кто бы говорил! – прошептала ему на ухо Лена, пользуясь паузой между композициями на ноуте ведущей.

Виктор лишь улыбнулся и в смущении пожал плечами. Затем вновь пробежался глазами по залу. Ему повезло. Она сидела лицом к нему. Удачно видимая ему в просвет между колоннами.

А ведь встать просто необходимо. Пусть странная робость и не даёт познакомиться, словно ему опять восемнадцать

лет. Но вот что-то делать просто необходимо. Нельзя же оставить всё как есть? Хотя бы проверить наличие кольца на руке нужно обязательно. Может, не стоит и накручивать себя? Это была ещё одна из его черт – правильность. Чтобы за странное чувство не ворочалось в его груди, но влезать, даже простым флиртом, в семейные отношения Виктор не собирался.

Хорошо. Если уж до конца вспомнить осьмнадцать лет. Тогда всегда приходило на выручку одно надёжное средство: ещё бокал для храбрости и тронемся. Виктор принял решение и, как обычно, следовал ему до конца. За следующие двадцать минут он мелкими глотками допил свой третий бокал. И решительно поднялся из-за стола. Последние минуты Виктора мучила тревога. Он отвлёкся, не решаясь постоянно следить за девушкой. И теперь не мог найти её. Ни на прежнем месте за столом. Ни в мельтешении танцующих в зале людей.

Виктор сделал медленный круг по залу кафе, скользя взглядом по лицам и фигурам девушек, скрытых за колоннами. Добрался до её компании за длинным угловым столом. Никого. Сердце кольнуло сожаление. Дохрабрился. Ушла. Виктор нацепил на лицо лёгкую, извиняющуюся улыбку, безмолвно отвечая на немой вопрос, сидящих к нему лицом, женщин. Развёл руками. Развернулся. И споткнулся на первом же шаге. От входа, вместе с ещё несколькими девушками, шла она. Потирая руки, с покрасневшимися щека-

ми и сверкающими в лучах светомузыки капельками влаги, от растаявших снежинок, на волосах. Она стала ещё красивей в его глазах, заставляя сердце сорваться и вовсе в сумасшедший темп.

Курит? Кольнула сердитая мысль сердце Виктора. Ему не нравились курящие женщины. Но... Она всё равно нравилась. Даже сейчас. Особенно сейчас. Когда она несла на себе печать зимы. Виктор заставил себя невозмутимо двигаться навстречу. Шаг. Второй. Третий... Ноги отяжелели, словно забились от глубоких приседаний с весом, кажется, просто-напросто прилипли к кафелю пола. А сердце уже ничего не кололо.

Его стиснуло безжалостной хваткой тоска.

Вот и всё...

Виктор прошептал про себя ещё раз.

Вот и всё.

И с усилием, которое казалось ему почти зримым и осязаемым, до скрипа мышц, как в спортзале с запредельным весом на рекорд, оторвал взгляд от её руки.

А в зале стало темнее. Наверное, сильнее приглушили свет. Зовут народ танцевать. Наверное. Да.

Виктор возвращался к своему столу, продолжая бороться с собой. Заставляя себя шагать, поднимать выше подбородок, держать на губах улыбку. А главное – пытаться ослабить хватку тоски. Уже набирающей силы. Обессиливающей его тело. Обесцветившей краски праздничного вечера. Виктор

пытался противиться ей. Хотя знал, что эта борьба бесполезна. Уж привычку своей тоски вцепляться в добычу мёртвой хваткой он знал превосходно. Многие неудачи в его жизни сопровождала эта верная спутница – тоска.

Об этом мало кто знал. Но Виктор болезненно переживал обиды, неудачи, разочарования, ошибки на работе и в жизни. Но вот демонстрировать это окружающим не любил. Это его – личное. Поэтому на работе его всегда видели спокойным, улыбающимся. Никто не знал, что мир за этой улыбкой для Виктора словно выцвел и накрыт завесой полумрака. И даже двигаться он себя скорее заставляет. Как куклу. А вот дома... Там он снимал маску. И давал волю своим настоящим чувствам. Чёрной тоске.

Раньше Виктор бывало ловил себя на мысли, что, скорее всего, его тоска – это то, что всякие мозгоправы называют депрессией. Но в разговорах сам с собой, во время борьбы с ней, всегда именовал её именно тоской. Прочитав пару статей в интернете, Виктор окончательно решил, что у него точно всё не так серьёзно. Это не болезнь, а скорее особенность, черта его характера. И закрыл для себя эту тему. Просто тоска.

– Встал? Место потерял! – встретил его, брызжущий весельем, директор. – Иди на тот конец – к бухгалтерии и расчётчикам.

– Привет поближе, молодые, красивые, счастливые, – в этот раз Виктор оказался в полном окружении женской ча-

стью коллектива компании. – Как год закрыли? Всё провели, свели? Ничего не забыли?

– Тьфу, тьфу, тьфу! – раздался дружный стук по столу.

– Вот, Витя! – высказалась за всех Римма Фёдоровна. Главный бухгалтер. Женщина уже в возрасте, но худощавая, подвижная и отлично выглядящая. – Вроде праздник, все веселятся, подошёл с улыбкой, начал с комплиментов. А сам... Штрафную тебе и тост про нас красивых.

– Понял. Виноват, – кивнул смущённо Виктор. Бывало и такое. Мало его тоске было его одного. Лезла из него её чернота. Тянула щупальца к людям. – Поднимая этот бокал, в окружении столь восхитительных женщин, я хочу поведать вам, как нам повезло. Нам – это всей нашей бригаде лаборатории. Ведь возвращаясь измученными и обессиленными после тяжёлого рабочего дня, только мы проходим мимо вашего офиса. И видим вас: ухоженных, красивых, ослепительных женщин. И мы не смеем ударить в грязь лицом под внимательными взглядами ваших прекрасных глаз. Мы расправляем плечи, втягиваем животы и вновь наполняемся силами. И я хочу осушить этот бокал до дна за то, чтобы в наступающем году, вы стали так красивы, что даже Пётр Николаевич сумел бы втянуть живот от восторга.

За столом грохнули хохотом, оценив шутку. Смеялся и сам Николаич, хлопая по-своему трудовому мозолю выдающихся размеров. Виктор улыбался и глядел в опустевший бокал, решая вопрос. Стоит ли снова попробовать этот

способ? Расставание с Ольгой он пережил тяжело. В тот раз тоска вцепилась в него основательно. Три месяца отношений. Четыре тоски. Счёт не в пользу женщины. Или дважды в её пользу. Если быть честным с собой. А если действительно быть честным? Может она ему не только нравилась? Может.

Виктор тогда пробовал утопить тоску в вине. Не так чтобы уйти в запой. Для этого Виктор был слишком ответственный. Коммуналка, ипотека, работа. Работу он терять не собирался. Да и родные... Но все свободные деньги он спускал тогда на спиртное. И трезвым становился лишь к утру. Виктор до сих пор не знал, помогло ли пьянство или просто его тоска не могла длиться вечно.

Нет, пожалуй, нет. Виктор принял решение и налил себе бокал. Последний на сегодня. Тогда, по истечении четырёх месяцев, ему совсем не понравилось то, что он стал видеть по утрам в зеркале. Не может же быть всё так серьёзно? Он лишь увидел её улыбку. А затем всего полчаса только смотрел. Ведь не может?

Лишь лучи и вспышки шоу-системы на секунды разгоняли густой полумрак кафе. Даже лиц уже не разобрать в бешеной пляске стробоскопа. И Виктор жалел, что слишком внимательно вглядывался в лица под уже ушедшим отсюда светом. Ведь в его душе нет таких прожекторов, что могли бы рассеять столь же густой полумрак тоски.

Тьма

Виктор стёр с зеркала осевшую влагу и осмотрел своё лицо. Двухдневная неопрятная щетина. Тёмные круги вокруг глаз. Осунувшееся лицо. Нужно приводить себя в порядок. Это не дело. Виктор открыл дверцу шкафчика. Он начнёт с бритья. Уж что только в своё время не перепробовал Виктор, но, в итоге, вернулся к тому, с чего начинал в юности. Т-станок и тёплая пена на распаренную кожу. Двигая станок короткими уверенными движениями, Виктор слушал хруст срезаемой щетины и благодарил ритуалы. Ведь эти минуты, когда есть только зеркало, лезвие и отражение, он может бездумно следовать его течению. И не думать ни о чём другом. Жаль, что эти минуты коротки.

Если обратиться в глубины философии, то существует только два способа бритья. Для старшины – утром. Для жены – вечером. Ещё после армии Виктор сразу перешёл на второй. И всегда брился вечером. Даже когда радовать кого-то отсутствием щетины ему и не нужно. Как сейчас.

Заканчивались новогодние праздники. Впереди, уже завтра, начинались трудовые будни. Хотя на работу Виктору сейчас хотелось меньше всего.

За минувшие дни ему ничуть не стало легче. Сердце болело, трепыхалось в груди, пытаясь ему что-то сказать. Снег на улице уже не радовал белизной. Всё небо накрыл полог, приглушающий свет и бросающий на весь мир глубокие те-

ни.

Не радовала вкусом еда. Новая музыка на экране не затрагивала эмоций. Даже книги, откладываемые в папку по рекомендациям с форума, не вызывали чувств и переживаний за её героев. Тускло. Серо. Мрачно. Лишь в воспоминаниях по-прежнему можно было найти краски. Там ярко светили прожектора. Вырванная ими из тьмы кружилась в танце фигурка девушки. Ослепительно вспыхивала улыбка. Горели алым губы. Сплетались в ритме музыки руки над её головой.

Виктор знал, что после этих мгновений прогулки по памяти, тоска накинется на него с новой силой. Отыграется за потерянные им краски. За несбывшееся. Но ничего поделать с собой не мог. Ведь он живой человек. Он не может не думать. Не может не вспоминать. Больше всего ему хотелось узнать лишь одно. Какого цвета её глаза? С этим вопросом он и заснул.

На телефоне зазвенел Cesium. Будильник послушно выполнял работу, для которой его и создали. И Виктору нужно идти выполнять свою.

Ещё одни ритуалы, которые дают ему ложную уверенность в том, что всё в порядке. Утренний кофе и лента новостей в разделе «главное». Утром кофе Виктор пил натуральный. Когда он жил с Ольгой, то она пристрастила к нему и его. Оставшись один – для турки и полного ритуала с обжаркой и мельницей он не находил время. Или не хотел нахо-

дить. Это лишнее напоминание. И покупал в магазинах скидочную готовую обжарку с надписью «Для чашки». В этот раз удачно попался польский кофе, очень тонкого помола, почти в пыль. Виктору он пришёлся по душе. Ароматный. Крепкий. Чёрный как смола. Но, несмотря на свой цвет, отлично разгоняющий тени тоски.

В мире по-прежнему крутили словесные кружева политики, после продолжительной болезни умер пожилой актёр, что-то там завоёвывали спортсмены. Ничего интересного. Разве что подборка лучших фото недели привлекла внимание Виктора. Хотя бы в чужой жизни по-прежнему играли яркие краски. Виктор жадно впивался взглядом в каждое фото. Словно хотел занять чужого счастья. Но закончились фото. Губ коснулся горький осадок последнего глотка кофе. Тоже закончился.

Виктор всмотрелся в гущу на дне чашки. Кофе. Ольга.

Впервые увидев её, он восхищённо охнул про себя. Она полностью соответствовала его вкусу. Высокая, стройная блондинка. Голубые глаза, пухлые губки. Красивая яркая женщина. Лёгкое летнее платье чуть выше колен. Ремешки босоножек обвивали узкую лодыжку и поднимались по ножке. Виктор протянул букет из белых и розовых пионов в бумаге. Он приложит все силы, чтобы она с ним осталась. Так, он обещал себе.

Не вышло. Да. Виктор оборвал воспоминания. Силой выкинул из головы. Встал. Отнёс чашку в мойку. Взял теле-

фон со стола. Направился к двери. Работа тоже поможет избавиться от лишних мыслей. Тем более, после новогодних праздников её будет много.

– Всем привет! – Виктор зашёл в раздевалку своей бригады. На лице улыбка. Твёрдое уверенное рукопожатие. Всё как всегда. Есть только работа. А его переживания – никому не нужны.

– Что-то ты за праздники похудел, – Паша не сразу выпустил руку, вглядываясь в лицо. – Некому тебя кормить.

– Да я сам, кого хочешь, накормлю, – усмехнулся Виктор. Некому. Да. И ему кормить некого.

– Это да. Готовить ты умеешь, – признал Павел и покрутил в воздухе рукой. – Ещё и рецепты выискиваешь такие...

Павел был, наверное, единственным, кого Виктор мог с чистым сердцем назвать другом. Несколько раз он приглашал его с семьёй к себе в гости. Виктор после учёбы так и остался в этом городе. Родные далеко. Жил он тогда один. Но это же не повод мучиться полуфабрикатами? Так и научился. Что там он готовил гостям?

Цыплёнок табака и, предварительно вымоченный от крахмала, картофель по-домашнему. Это первый раз. А второй – гуль-ханум из рубленой говядины. Третий... А вот третий готовила уже Ольга. Ладно. Не будем. Виктор отбросил лишние мысли.

– Но всё равно. Не видно по тебе десяти дней лежания на диване и поедания вкусностей. Чёрт! – шнурок рабочего

ботинка не выдержал рывка и порвался. Оставил в руке растерянного Паши солидный кусок.

– Да я и не лежал, – Виктор отвязал со своей вешалки запасной шнурок и протянул другу.

– О! Спасибо. Не лежал, значит, – задумался над ботинком Павел. И возмущённо вскинулся. – Опять качаться начал? Обещал же, что меня возьмёшь?

– Обещал и возьму. Но я никуда не ходил, – отмёл подозрения Виктор.

И задумался. Почему бы и нет? Тоже хороший способ. Пока ты с железом считаешь повторы, тебе не до посторонних мыслей. Работа у Виктора не предполагала офисного сидения и каждый день оказывалась наполнена физическими нагрузками: хотя бы, пока кофры с инструментом донесёшь. Не везде охрана пускала машину на территорию. Не всегда находилась возможность подъехать вплотную. И Виктор оставался в неплохой физической форме. Объёмы почти не падали. Главное – не давать лишним калориям затягивать всё жиром. В бригаде не верили в такой простой способ.

Но иногда хотелось большего. Или всё же, приходилось нагонять ушедшее. Это, как и корпоративы, становилось всё более модным. И Виктор периодически ходил в ближайший спортзал. Хотелось бывать там чаще. Но, чтобы была отдача, рост показателей, мало одного желания. Нужен ещё и полноценный отдых до и после тренировки. А вот это, работа не всегда обеспечивала. Или быт. Виктору с этим разумеет-

ся проще: семьи нет. А вот Павел периодически загорался идеей походить в спортзал. Но через две – три недели, не получив быстрых результатов, остывал. Но Виктор считал, что и это идёт ему на пользу. Записи не врут.

– Давай посмотрим, как пойдёт работа, – решил Виктор. Он попробует отвлечься. И не быть в пустой квартире. – Ориентировочно – четверг. Сразу после работы. В «Режим».

– Отлично! – обрадовался Павел.

– Наро-о-од! – протяжно позвал Николаич. – Двигаем на инструктаж.

Виктор выходил последним. Окинул взглядом раздевалку. Всегда проще всё проверить самому, чем потом выслушивать нотации от Инночки или капать на мозги мужикам самому. Порядок. Все шкафчики закрыты. Виктор выключил свет. Теперь здесь так же темно, как и у него на душе.

Виктор с Павлом вышли из раздевалки в основной зал. Зеркальная стена со стойками гантелей. Пять беговых дорожек. Несколько десятков разномастных тренажёров. «Режим» не столь шикарен, как «Фитнес-град». Поменьше, пониже классом. Но ближе к дому Паши. А это уже немалый плюс. Его ждёт семья.

Павел уже достал телефон и принялся позировать у силового тренажёра. Виктор покачал головой и достал свой, но ему в нём нужны были заметки о тренировках.

– Что ты опять начинаешь морщиться? – заметил его гри-

масы Павел. И возмутился. – Я тебе сколько раз говорил – это новый образ жизни. Сейчас все так живут. Сделал что-то крутое – выложи. Увидел что-то необычное – выложи.

– Удалась яичница из трёх яиц – выложи, – подначил Виктор.

– Это ты утрируешь, – Паша обиделся. Притворно. Он был по жизни оптимист. Суметь обидеть его, ещё нужно постараться. – Тебе бы, вообще, стоило следовать веяньям века. Я на твоих мантах тогда столько лайков собрал! У!

– Мужуку, что их рецепт выложил я и поставил лайк. Я-то здесь при чём? – Виктор пожал плечами. Определил для себя план занятия. И набрасывал себе плейлист пободрее. Чтобы рок, чтобы гитары, чтобы барабанщик от души стучал.

– Поставил бы ссылку на него и все довольны. Не понимаешь ты правил накрутки посетителей, – Павел сел на любимого конька и принялся с жаром размахивать руками. – А у тебя отбоя бы от девушек не было. Они все сейчас в соцсетях сидят. Шикарное время. Не нужно никуда бегать. Никого искать. Поставил инсту или вконтакте и листай фотки. Там и личики, и фигурки! Выбрал бы десяток на свой вкус.

– Мне бы одну, – грустно усмехнулся Виктор, на миг, теряя контроль над своей тоской. Ему бы одну. Ту, из кафе. Но она уже чужая. – Боюсь, с сотнями из инстаграмма я не справлюсь.

– Хе! Проблема! Расставил галочки – возраст, место жи-

тельства, чтобы далеко не бегать. Убрал всех брюнеток. И дело в шляпе.

– Хватит языком чесать, – сердце снова кольнуло. Убрать брюнеток? Он уже убрал. – Давай свой тренировочный дневник.

Виктор внимательно проверил рост результатов, освежил в памяти чужие тренировки прошлого года. Глянул на друга, прикидывая, насколько он сдал за эти два месяца.

– По дневнику откатись вот сюда. Ориентируйся на эти подходы. Как всегда – не рвись. Лучше недотрен, чем перетрен. Давай. Разминку. Ты на дорожку, я на вёсла. Потом меняемся.

Виктор в детстве начинал с простой качалки, в которой не было всех этих блестящих тренажёров. И до сих пор оставался последователем базовой тройки упражнений. Его ждал помост. Он и штанга.

– Даже не думай, – Виктор отогнал неопытного Павла, идущего по пятам. – Ты в Смита.

Двадцать минут разминки, сорок минут интенсивной нагрузки наполнили тело теплом и приятной истомой. И покрыли потом. А вот душа в «Режиме» нет. Печально. К хорошему быстро привыкаешь. Придётся терпеть до дома. Виктор лишь снял тренировочную одежду. Бросил её в сумку.

В своё время Виктор поставил себе стойку тропического душа. И сейчас наслаждался потоком падающих капель. Закрыв глаза, можно было представить себе, что зима, так ра-

нившая его сердце, уже закончилась. Закончилась и слякотная серая весна. Наступило лето. Все печали и тоска остались позади. А он, как в детстве, попал под тёплый летний дождь. И нет ни забот, ни тревог взрослой жизни. И если ты остался один – это радость. И свобода. А зачем ему сейчас свобода? От кого?

Виктор стёр с зеркала осевшую влагу и мрачно осмотрел своё лицо. Щетина. Запавшие карие глаза. Похудевшее лицо. Завтра пятница и выходные. Пойдёт. Бриться желания не было. Восемь минут отсутствия мыслей не стоили затраченных на ритуал усилий.

Виктор выключил свет и лёг в кровать. Темнота. Перед сном Виктор достал из ящика проекционные часы. И сейчас нажал кнопку. Они чуть разогнали гнетущую тьму спальни. Виктор лежал и смотрел на тусклые красные цифры на потолке. Интересно, есть ли у неё такие часы? Смотрит ли она на них?

На телефоне зазвенел Cesium. Последний день рабочей недели начался. Шесть утра. На потолке едва видны цифры в полумраке утра. Сели батарейки?

Короткая суэта утреннего ритуала. Огонь под чайником. Чашка. Ложка кофе и сахара. Кипяток. Накрыть блюдцем. Лента новостей в разделе «главное». В мире что-то взрывается, в Тунисе упал самолёт, какой-то скандал в московской тусовке. Фоторепортаж Виктор открыл и тут же свернул приложение. Чужие краски не принесли облегчения. Напро-

тив. Счастье чужой жизни ударило в сердце. Как нож. Тоска счастливо зарычала. И добавила удар от себя. А ты отказался от своего счастья! И сгустила свои тени. Тьма.

Кофе всё из той же пачки: Виктору её хватало надолго. Но без прежнего аромата. Крепкий. Чёрный как смола. А тьму тоски ничуть не рассеял. И кофе горчил. Губ коснулся противный осадок. Виктор раздражённо поставил чашку в мойку. Подхватил телефон со стола.

– Давайте, давайте! Восточная линия 220 легла. Нас кидают на помощь городским линейщикам.

– Опять на принеси-подай попали, – скривился Серёга. – В такую грязь в поле лезть. Сейчас по уши будем!

Из зеркала смотрел изрядно заросший мрачный мужик. Не только Пётр волновался и выпрашивал, что случилось. Уже даже Николаич косился. Да и самому неприятно. Красивая борода у Виктора не росла. Сейчас он ничуть не походил на плакатного Эмина. Провалившиеся больные глаза. Ввалившиеся щёки. Виктор оказался похож на старого, измученного жизнью, азербайджанца с рынка. К чёрту это бритьё. Завтра последний день. Пусть терпят. В понедельник начальник увидит чистые щёки.

Батарейки в часах теперь стояли новые. Алкалиновые. Но темноту спальни и они не разгоняли. Цифры на потолке почти не видны. Наверное, сломались. Китай. Теперь Виктор оставлял включённым свет на кухне. Так оказалось легче засыпать. Можно было смотреть не только на проекцию

часов, но и на освещённый отдалённым светом проем двери. Смотрит ли она на часы по-прежнему? Тоска злорадно, его голосом прошипела. «Лучше бы ты спросил, есть ли у неё силы после мужа смотреть в кровати на время?» Теперь рычал Виктор. От ярости.

На телефоне зазвенел Cesium. Пора вставать. Завтра выходные. Снова один в квартире. Виктор задумался. Может попросить сверхурочной работы? На работе легче, чем одному. Нужно улыбаться и держать марку. Одному слишком тяжело. Тоска по упущенному шансу всё сильнее погружала его во тьму.

Ленту новостей Виктор даже не открыл. Телефон лежал на столе. Лишь время горело на его экране. Кофе отдавал кислятиной. На язык то и дело попадались крупинки. Виктор в раздражении выплеснул его в мойку. Схватил телефон. Сорвал лёгкую куртку с вешалки. И выскочил из дома.

– В московском, подстанция на «Гиаде» выгорела, – убрав телефон от уха, огласил Николаич.

– Полностью? – бригада не успела погрузиться, когда зазвучал звонок. И сейчас толпилась перед дверями в ожидании.

– Вот мы и едем «на посмотреть», – Николаич пожал плечами. – Глянем, что там у хозяина уцелело.

– Вроде и дожди уже закончились, – удивился Павел. – Чего там у них случилось?

Виктор промолчал. Желания общаться не было.

Только две недели удалось отработать сверхурочно. Виктор и в обычные дни с жаром кидался в работу. А уж теперь. Выматывался настолько, что ни о каком спортзале речи и быть не могло. Он добирался до дома. Готовил ужин и завтрашний обед. Ел. И проваливался в беспокойный сон, моментов которого не помнил. Сердце по-прежнему болело. Но вот тоска перестала жалить фразами. Или же он слишком уставал, чтобы позволить своим мыслям мучить его. Виктор был счастлив. Каторжник вряд ли может быть счастлив, так уставая. А он был.

Но в следующие выходные Николаич отказал в выходе.

– Ты себя давно в зеркало видел? – мастер бригады прикрыл дверь, отсекая обеспокоенную физиономию Павла. – Когда брился тогда и видел? Неделю назад? Счастливый зомби! Ходячий мертвец с улыбкой. Я не знаю что с тобой. Но на работу в понедельник. Болеешь? – Николаич прищурил глаза.

– Нет, – Виктор убрал с лица улыбку и спокойно смотрел в лицо собеседнику.

– Сходи в «Медком». Сдай анализы. Краше в гроб кладут. Может, сам не знаешь про болячку, – недоверчиво покачал головой. – Может, баба бросила?

– Нет, – сердце Виктора рвануло болью и зачастило в обвиняющем ритме. – Никто меня не бросал.

– Как скажешь, – Николаич хмыкнул, но продолжать тему не стал. – Я бы посоветовал тебе напиться в выходные

– лучшее лекарство от половины болезней. Но чтобы в понедельник явился со справкой. Иначе осмотр и инструктаж не пройдёшь. Мне не хватало, чтобы ты влез куда-нибудь.

Виктор закрыл за собой дверь. Сбросил кроссовки. Упал на диван и устался в потолок. Никто его не бросал. Разве можно бросить человека, о существовании которого и не подозреваешь? Виктор усмехнулся своим мыслям. Посмотрел на стоящую перед ним бутылку. Нет. Он уже решил, что к этому средству не прибегнет.

Взгляд Виктора упал на телефон. Он принял и другое решение. Не влезать в её жизнь. Но на дворе уже лето, а тьма в его душе не становится меньше. И с каждой неделей даже просто жить становится всё тяжелее. Неужели он не может позволить себе хоть малой поблажки? Как там Пашка говорил? Сейчас в соцсетях – все? Он позволит себе лишь малость. Найдёт её там. Узнает всё ли у неё хорошо в жизни. А, главное, узнает какого цвета у неё глаза. И перестанет разговаривать по ночам сам с собой. И ему станет легче. Ведь станет?

Полусвет

Виктор схватил телефон. Маркет. Инстаграм. Лихорадочные ковыряния в настройках. *Пашка издевается*. Это Виктор осознал только через час. Какие к чёрту галочки? Здесь даже пол нельзя указать! Как, вообще, можно найти в соцсе-

ти человека? Если ничего о нём не знаешь?

Поиск по тегу города выдал сплошной поток рекламы. Мелькали на экране девушки. Сменяли на себе наряды. Но совсем не те. И наряды, и девушки. Как-то уточнить и сузить круг поиска не выходило. Как тут можно, вообще, что-то найти? Мусор. Горы мусора.

Виктор закопался в поиске решения в интернет. Геотеги. Мысль. Но для этого нужно иметь отправную точку. Виктор задумался. Пашка точно делал фото на корпоративе.

Но даже его Виктор найти не смог. Он знал его имя, фамилию. Но ничего не находил. Не было в инстаграме его друга!

– Паш, кинь в меня ссылкой на свой инстаграм, – набрал в вацапе Виктор.

– Неужели надумал? Что-то сдохло в лесу.

Виктор вопрос проигнорировал. Нажал на ссылку. И с недоумением глядел на экран телефона. Фото Павла. Но вот цифробуквенное имя аккаунта вводило в ступор. Что в нём от Пашки? Год рождения? Найти здесь незнакомого человека с таким подходом? Каждый сходит с ума по-своему. Виктор покачал головой.

Фото с Нового года у Пашки оказались выложены. Где эти чёртовы геотеги? Чего только под снимками не было накручено. Друг отрывался с хэштегами, как мог, отпуская фантазию в полёт. Но ни на одном фото не было указано место. Виктор швырнул телефон на столик. Проклятье!

Спокойно. Решение должно быть. Самое простое – попро-

сидеть помощи у Павла. Опытный пользователь сети должен суметь найти её. Или в разы упростить ему поиск своим опытом. Но это означает открыть душу. Рассказать о ней. Пусть и другу. *Нет.* К такому Виктор не готов. *Сам.* Он задумался.

Попробуем ручной поиск места. Телефон. Инстаграм. Уголёк. Виктор нажал на поиск. Ему нужен тег. Да... Больше четырнадцати тысяч фото, которые пользователи подписали этим словом. Много. Добавим город. Ноль результатов. *Чудесно!* Виктор едва не запустил телефон в стену. Сдержался в последний момент.

Осторожно положил его на столик. Разжал пальцы. *Что с ним?* Виктор не узнавал сам себя. Он всегда был очень спокойным. Привык не показывать своих настоящих эмоций. Да и чаще всего ему приходилось скрывать тоску и печаль. Досаду. Обиду. Злость, наконец. Но чтобы столь яркую ярость? Это стало для него новым чувством. И оно ему не нравилось. Тени тоски отступали. Но лекарство горчило ядом.

Виктор аккуратно поднял телефон. Снял включившуюся блокировку. Коснулся строки поиска. Уголёк. Кафе.

Пятнадцать фото. Из них шесть – самого кафе. Питерского. Совсем не того, что нужно. Виктор выдохнул, стиснув зубы. И вместе с телефоном перешёл на кухню. Аккуратно положил его на стол. Сделал себе горячего чая. Крохотными глотками отпивал из чашки. Смотрел на опускающийся вечер за окном. Успокаивался. Думал.

Телефон. Поиск. Теги. Новыйгод. Праздник. Корпоратив.

Зима. Брюнетка. Танцпол. Виктор упорно вводил всё новые и новые слова. Пытался сузить круг поиска. И больше не позволял себе вспышек ярости.

Бесполезные усилия. Дурацкая система. Или он не понимает чего-то главного. Пусть. Зато он упрямый. И у него есть все выходные.

Поиск. Уголёк. Публикации с тегом. Палец замер на миг, но нажал на строку. И Виктор снова оказался среди моря фотографий. Тысячи людей, сотни шашлыков, десятки торжеств, праздников, ужинов на улице. Собак. Кошек. Костров, игрушек, рисунков и прочего разного. Иногда вовсе не понятного и странного. Лента послушно поползла вверх, открывая всё новые и новые снимки.

Глаза болели адски. Не привыкли они к такому марафону. Просмотренные фото мельтешили перед глазами. Виктор устал. И не был уверен, что мог бы сейчас узнать её лицо в череде сотен других. Может он и вовсе уже пропустил её? Она ведь женщина. Другое платье. Другой макияж. И в объектив смотрит совсем другой человек. В конце концов она могла просто покрасить волосы.

Виктор снова подошёл к окну. Глубокая ночь. Тёмная, мрачная. Как его тоска. Но за окном темноту разгоняют фонари. Освещают путь идущим. А вот что делать ему? Хотя... Пока он впивался взглядом в очередное женское лицо, тоска незаметно забила в какой-то уголок души. И не тревожила. Сердце болело. Да. Стыскивало грудь разочарование.

Но не тоска. Краски стали ярче. И чужая радость на фото не причиняла боль.

Почему он так упёрся в это кафе? Может нужно просматривать публикации города? В этом виделось больше смысла, после фото с тропических пляжей. Виктор пробежался пальцами по клавиатуре. Вернулся к своему первому поиску. Нереально. Больше полумиллиона публикаций. Отличный способ провести все летние вечера. Хорошая замена сверхурочным и работе в выходные. Отвлекает. Выматывает не меньше. Разгоняет тени. Продолжать давать своей тоске подачку? Изображать бурную, но бессмысленную деятельность? Лишь бы вернуть краски? Можно. Вот только сердце хочет большего.

Виктор опустил телефон возле пустой чашки. Болели не только глаза. Но и голова. Боль сжимала её обручем. Мешала, путала мысли.

Почему он решил, что она есть в инстаграм? Что он так упёрся в него? Потому что Пашка прожужжал ему все уши? Есть ещё и другие соцсети. Перебирать все их? Так, ему и года не хватит. Бред. В голове ни одной дельной мысли. Довольно.

Виктор стёр осевший пар с зеркала. Оглядел представшую картину. Всё тот же измученный продавец с рынка. Только теперь, к этой картине добавились глаза. Они горели лихорадочным блеском. Виктор скривился. Отличная деталь. Так, и за наркомана примут. А ведь это жажда действия. Надежда.

Искать он не перестанет. Теперь – просто не сможет. Но нужно сузить круг поиска. Получить хоть какую-нибудь зацепку.

В голове Виктора мелькнула мысль. По-хорошему, с этого и нужно было начинать. А не ломиться сразу в высокие технологии. Но для начала нужно привести себя в порядок. Такому скорее наряд вызовут, чем что-то скажут. Нужно постараться. Пусть завтра начнётся новая жизнь. Без тоски. Виктор поставил новое лезвие в станок. Взбил пену в керамической чаше. Включил подсветку шкафчика, чтобы ярче очертить щетину. Поморщился от измождённого вида в беспощадном свете. И решительно взялся за помазок.

Машина подмигнула поворотниками – встала на охрану. Виктор опустил ключи в карман. Развернулся к зданию. Вот и «Уголёк». Хорошее место. Не так далеко от центра. Набережная. Спокойная широкая улочка. Старые высокие деревья. Тень. Много места для машин. Кафе занимало весь первый этаж жилого дома старой постройки. Высокие потолки, огромные арочные окна в толстых стенах.

Виктор закрыл за собой дверь. Начинаящаяся летняя жара осталась за тонированным стеклом. С блейзером он сегодня ошибся. Но так нужно. Второй зал. Ему необходим кто-то из администрации.

– Добрый день, – Виктор улыбнулся девушке за стойкой бара. – С кем я могу поговорить о заказе столов для организации?

– С Верой. Подождите, – ему указали на высокие стулья.

Девушка оставила его одного. Направилась через зал к служебному проходу.

Виктор глубоко вздохнул. Попытался успокоить бьющееся сердце. *Нужно успокоиться.* Огляделся. Почти ничего не изменилось. Только у подиума с аппаратурой появились новые светильники. Они спускались с потолка на длинных шнурах, образуя подобие приспущенного театрального занавеса. Неплохо.

– Я могу вам помочь?

Он слишком увлёкся осмотром зала. Даже не заметил того, кого с таким волнением ждал.

– Вера? – уточнил Виктор и получил подтверждающий кивок. – Вера, честно признаюсь вам. У меня не совсем обычная просьба. Я ищу знакомую. Через третьи руки, по чужим рассказам.

Собеседница подняла брови, продолжая дежурно улыбаться. Жгучая брюнетка с ярким макияжем. На пару лет младше Виктора. Красное форменное платье персонала. Множество колечек на руках. Она явно сомневалась в его словах. Да и вернувшаяся к бутылкам и стаканам девушка покосилась на него. Как раз тогда, когда он начал про знакомую. Виктор вздохнул.

– Да. Необычная, странная просьба, – он постарался выдать свою лучшую улыбку. Положил на барную стойку подарочный набор Шокотелики. Четыре вида бельгийского ручного шоколада с орехами. Золотая обёртка. Запах, слыши-

мый даже ему. – Мне нужно узнать, какая организация заказывала 28 декабря вон тот угловой стол. И ещё – имя и телефон заказчика. Пожалуйста, Вера. Очень нужно.

Вера задумалась. Оглядела его внимательным взглядом. Серый хлопчатый приталенный блейзер. Платок и солнечные очки в нагрудном кармане. Белая рубашка. Верхние две пуговицы расстёгнуты. Механические часы на запястье. Светлые летние брюки. Бежевые мокасины. Девушка вздохнула и принялась что-то искать под стойкой. Виктор незаметно выдохнул.

– «Элком», – Вера подняла глаза от тетради. – Записывайте.

Отправная точка. Старик Архимед обещал перевернуть весь мир, если ему дадут опору. Виктору не нужно было так много. Остановить от падения себя. Свой крохотный мир.

До обеда он успел найти и съездить в сам «Элком». Шестнадцатизэтажная «свеча», возвышавшаяся у края Университетской площади. Строгий пропускной пост на первом этаже с электронной вертушкой и старичком-охранником. Зато фойе – находка для шпиона. Оно оказалось завешано стендами с фотографиями. Все фирмы, что занимали это здание. Всё руководство и ключевые специалисты.

На доске «Элкома» её не нашлось. Но висела куча других людей. Имена. Фамилии. Виктор щёлкнул камерой телефона. Снова вспомнил свои восемнадцать, слыша за спиной крики старичка. И сбежал с довольной улыбкой. Пока охран-

ник выбирался из своего стеклянного скворечника к странному посетителю.

Теперь у него была куча имён и даже один телефон. За окном ещё не спустились тени вечера, а Виктор уже нашёл её. Не в распиаренной Павлом соцсети.

Оксана.

Виктор нерешительно застыл над телефоном. Сердце стучало. Рвалось из груди. Требовало. Тоска напомнила о себе. Поползла тенями. Хрипло смеялась. Ему хотелось окунуться в её жизнь. И было страшно. Ведь был ещё Он. Виктор никогда не видел Его. Но ненавидел. Иррационально. Бессмысленно. С тех самых пор, как тоска начала разговаривать с ним его голосом. И ничего поделать с собой не мог.

По квартире расплзался полумрак. Виктор прошёл по квартире. Привычно включил везде свет. Поставил на плиту чайник. Заварил кофе. Сна и так ни в одном глазу. *Что уж теперь.* Телефон по-прежнему лежал на столе.

Он глядел в сгущающуюся темноту за окном. Обжигался, отхлёбывая из большой чашки. Старательно уговаривал себя. Он будет спокоен и бесстрастен.

Виктор вернулся за стол. Взял в руки телефон. На губах его замерла улыбка.

В квартире были только он, тоска и телефон. Это оказалось нелегко. Не вовремя она вернулась. Это глупо. Но... Виктор не хотел, чтобы Оксана видела черноту его тоски. Даже с экрана. Даже со старой фотографии. Через года.

Приложение. Профиль. Она оказалась младше его. Статус.

Самая большая загадка – жизнь, самое большое богатство – дети, самое большое счастье – когда тебя любят!

Виктор коснулся её фото. Будь счастлива. За нас двоих.

Её глаза оказались светло-кариими с зеленью. Необыкновенными.

На многих фото она улыбалась. И даже так – в цифровом виде, её лицо светилось в эти моменты. Виктор с жадностью вглядывался в экран. С каждым новым снимком он находил в ней то, что всё сильнее влекло его к ней. Поворот головы. Длинные пальцы. Выбившаяся прядь.

Скрывать от самого себя не было смысла. Он любит её. Пусть и так странно – на расстоянии. Заочно. С первой улыбки.

А ещё...

У неё была дочь. Ярослава. Очень похожая на маму. Обещавшая вырасти красавицей. Чудесная красивая малышка с такой же волшебной улыбкой. Её фото тоже освещали душу светом и разгоняли тоску.

И муж.

Виктор заставлял себя отводить глаза. Не всматриваться в эти фото. Пролистывать их. Не вглядываться в того, чьё место хотел бы занять.

Но это оказалось сильнее его.

И тоска оживала. Тянула, было ослабшие, щупальца. Шептала.

Виктор был лучше. Сейчас он сам был не рад своей честности. Проще было бы, если бы он был хуже Его. И тогда ему бы оставалось лишь радоваться за Оксану.

Но...

Виктор выглядел моложе, спортивнее. Подтянутее. Без живота. Не опускал так глаза. Не вжимал голову в плечи. Не сутулился. Он даже был красивее Его. Как бы это не жалко звучало от другого мужчины. А ещё Виктора бесила Его улыбка. Ему чудилось в ней что-то гадкое и презрительное.

А главное – его глаза то и дело цеплялись за намёки на их жизнь и отношения. Они тут и там торчали на фото. И они ему не нравились.

Как по-хозяйски, пренебрежительно, закинул он руку ей на плечо, пригибая её этой тяжестью.

Сколько сумок она тащит от машины к костру.

То, что именно она катит коляску на фото.

Фирменная парка на нём и китайская бесформенная куртка на ней.

Злость кипела в душе. Стучала в виски. Сводила скулы. Отравляла горечью. Темнота в душе захлёбывалась хохотом.

Виктор отбросил телефон. Тот замер на самом краю стола.

Он думал – будет легче. Почему же так больно?

Стучали капли искусственного дождя в полумраке ванной. Свет горел только в коридоре.

Это уже случилось. И это не изменить. Это реальность его новой жизни. Он сам выбрал этот путь. Ему остаются лишь её глаза и улыбка. И экран телефона. Окно в её жизнь.

Уже немало для того, кто включает свет в квартире перед сном. Только нужно научиться закрывать глаза. Не видеть Его. Научился же он улыбаться? Всегда и всем.

Сегодня свет горел только на кухне.

Телефон. Профиль. Не в сети.

Ярко горели цифры на потолке. Два часа.

Спокойной ночи, Оксана.

Свет

На телефоне зазвенел Cesium. Ярко горели цифры на потолке. Шесть утра. Новая рабочая неделя.

Теперь у Виктора появился новый ритуал.

Утром – кофе, лента новостей.

Вечером – бритьё, её профиль.

В сети она появлялась обычно днём, с работы. Перепо-сты, новые записи, а тем более её фото, появлялись редко. Виктору хватало и этого. Он свыкся со своей тоской, загнал её в дальние уголки души. Когда становилось тяжело – ли-стал старые снимки.

В телефоне появились две папки. Оксана. Яра. Он выучил их содержимое наизусть. Но это ничего не значило. Экран телефона разгонял темноту спальни. Улыбки его девочек –

тени тоски.

Так и текли день за днём. Николаич перестал коситься и грозить медкомиссией. Павел выпытывать, что случилось. Зато регулярно приставал с вопросом об инстаграм. Виктор отшучивался.

Только на предложения о новых знакомствах он стал реагировать агрессивно. В первый раз напугал не только собеседницу. Но и себя.

– Витя! – догнал его оклик.

Он поморщился. *Ведь почти зашёл в раздевалку.* Вздохнул под насмешливыми взглядами бригады. Развернулся. Закрыв за собой дверь.

– Да, Катя? – её он знал хорошо. Именно она выдавала ему справки для налоговой.

– Вить, – девушка заглянула ему в глаза. Состроила умильную рожицу. – У подруги машина стала чихать. Поможешь молодой, красивой? Глянешь, мастера посоветуешь?

– Извини, Катюш, – Виктор улыбнулся. Предложил. – Давай, я тебя адрес мастерской дам. Мне там понравилось. Сама ей скинешь?

– Вить, – Катя сморщила носик. – Ну что там она поймёт? Ей же лапши на уши навешают. Чего ты? Я у Пашки уточнила – никого у тебя нет сейчас. Познакомьтесь. Ты отличный парень. Она хорошая девчонка. Пропадает. Вечно какие-то козлы у...

– У Пашки уточнила? – он попытался сдержаться. Вдох-

нул. Задержал дыхание. Не смог. Зло выдохнул. И повысил голос. Катя на глазах бледнела. – Нашла знатока! За меня всё решили? На полставки в разводчики устроился? В следующий раз без меня – меня жените! Благодетели! А меня...

Дверь за спиной открылась. Выскочил Павел. Открыл было рот. Встретил взгляд Виктора. И замер. В раздевалке стояла тишина. Все прислушивались.

– Дверь закрой! – Виктор задавил в себе злость. Скрутил её в узел. Отдышался. Уже нормальным тоном попросил. – Хватит пытаться устроить мою жизнь. Катя – извини. Девчонку – жаль. А я – сам разберусь.

– А машина? – пискнула Катя за спиной.

– Вот, – Виктор для надёжности ткнул пальцем. Он эту мастерскую тоже знает. У него адрес возьмёшь.

Виктор вошёл в раздевалку. Спокойно обвёл взглядом товарищей. Никто ничего не спрашивал. Он благодарно кивнул и шагнул к шкафчику. Виктор хотел домой. К своему личному окну. К несбывшемуся счастью. К своей тайне.

Телефон. Профиль. Статус.

Не знаю как у нормальных людей, а у меня – пришла с работы домой, моргнула и снова на работу!

Работа. Семья. Дом. Яра. Конечно, она устаёт. У него нет и половины. А он всё равно на людей срывается. Нехорошо вышло. Надо бухгалтерии торт купить. Виктор нажал иконку вацапа.

– Извини. Не бери в голову. Осень близится – обострение.

В пятницу давай в зал.

– Так ты психический? – смайлик пучил глаза. – Замёта-но!

Виктор смотрел в потолок. Береги себя, родная. Спокойной ночи. И пусть она будет для тебя долгой. Отдыхай.

Однажды в «Режиме» он задумался. Добивал с гантелями оплаченный час. Надрывалась и плакала соло-гитара в наушниках. Виктор закрыл глаза. Руки мерно работали. Ещё раз. Ещё. И – последний! Силы закончились. Виктор открыл глаза. И вздрогнул. Рядом с ним в зеркале стояла Она.

Сердце пропустило удар. Зачастило. Снова замерло на миг. Глухо стукнуло. Ошибся. Яркий свет слепил. Размывал черты чужого лица.

Похожа. Рост. Фигура. Волосы. Но не она. Девушка поймала его взгляд в зеркале. Улыбнулась. Виктор выдавил из себя ответную улыбку.

Улыбка ничего не осветила на лице девушки. Ничего не тронула в его душе. Сердце било в груди глухо и размеренно. Не. Она. Не. Она.

Взгляд охватил взглядом картину в зеркале. Мужчина и женщина бок о бок. *А мы были бы с Оксаной отличной парой.* Виктор зло оборвал мысль. Швырнул гантели на стеллаж. К чёрту! Девушка в зеркале испуганно прижала к груди свои крохотные гантельки. Виктор не извинился. Выскочил из зала в раздевалку. Он подождёт Павла здесь.

Телефон. Профиль. Статус.

Счастливым можно быть где угодно, как угодно, когда угодно, но...не с кем угодно.

Странный статус. Наверное, осень так действует на всех. Дождь. Слякоть. Серое низкое небо. Оно просто давит своей тяжестью. Навевает грусть.

Ничего. Спокойной ночи, Ксюша. Давай подождём снега. Он укроет всё и станет светлее. Может быть, я снова увижу тебя.

Виктор обдумал эту мысль. Это был бы волшебный подарок на Новый год. Мечтая, он уснул.

Телефон. Статус.

– Что ты не можешь простить человеку?

– Простить, наверное, можно всё, только вот прежнего отношения вернуть не получится. Да и не захочется.

Виктор вцепился в чашку с чаем. Последнее время статусы в профиле менялись почти каждый день. Будто она подписалась на группу с ними. Он проверил. Нет. Никаких новых групп не появилось. Среди тех, что видны ему. Но... Кто будет скрывать такую мелочь? А вот статусы сменялись. От радостных до грустных, от коротких до полотнищ.

Новое увлечение? Сегодня оно задело его. Разбередило спокойствие души.

В этот вечер Виктор допоздна сидел на кухне. Пил чай. Листал её профиль. Сверял даты. Она стала реже выкладывать фото. После первого сентября – ни одного нового. Ни

одного перепоста. Странно.

Виктор нерешительно отложил телефон. Ушёл в душ. Но даже там, под дождём, мысли не оставляли его.

Спокойной ночи, родная.

Телефон. Статус.

Рано или поздно. Ты будешь на месте того, кому сделал очень больно.

Виктор поднял взгляд от экрана. Взглянул в глаза своему отражению в тёмном стекле. Прищурился. Что происходит? Это уже не просто грустный или крутой статус ради статуса. Это уже крик души. *Сердце – тише.* Приказал он себе. Ещё одно разочарование мы с тобой – не выдержим. Тоска лишь спряталась. И ждёт.

Спокойной ночи, Оксана. Виктор запнулся. Но продолжил. Пусть у тебя всё будет хорошо.

Время на белом глянцевого потолке мешало. Пробивалось сквозь веки. Не давало мыслям успокоиться. Виктор на ощупь нажал кнопку. Стало темно. Нужно спать.

Казалось, он только-только боролся с непокорными мыслями. Но уже играл будильник.

Теперь он трижды в день проверял её профиль. Сердце глухо стучало в груди. Вместе с ним билась глупая надежда. Надежда на чужое несчастье?

Виктор был противен сам себе. Но сердце его не слушало. Стучало набатом, отдавая в виски, когда открывался её профиль. Душа ждала и пела. Тоска забила в дальний угол.

Робко напоминая о себе, когда гас экран. Недолго. Минуту, две. Затем снова трусливо сбегала до следующего случая.

Виктор снова стоял перед выбором. Его окно в её жизнь оказалось слишком мало. И не могло ответить на все вопросы. А он не мог и дальше мучиться в неведении. Но как на расстоянии узнать о личной жизни? Нанять детектива? Виктор поморщился. Дешёвый боевик.

Познакомиться с кем-нибудь из её окружения? Спросить их? Бред! Виктор затолкал спецовку в шкафчик. Выместил на ней своё раздражение. Нужно думать.

Телефон.

Виктор глядел на экран и не мог поверить своему счастью. Не мог поверить подарку, который сделала ему жизнь.

Статус.

Женщина, которая всё прощает и долго терпит, часто уходит неожиданно и навсегда.

Профиль.

Она сменила фамилию...

Он ждал у входа в «свечу». Волновался как юнец. Стоял в кружении танцующих снежинок. Слушал стучащее сердце. Пропускал мимо себя поток людей. Вглядывался в лица. Игнорировал их любопытные взгляды. Её он заметил сразу. Ещё в ярко освещённом фойе. Она похудела. Осунулась. Смотрела себе под ноги. Не поднимала глаз. Сердце его сжалось. Даже косметики почти не было на её лице. Только тронуты помадой губы.

Он шагнул вперёд. Преградил ей путь букетом роз. Двадцать пять бело-красных роз, покрытых снежинками. Она вскинула голову. И он утонул в её глазах.

Телефон. Статус.

Однажды в твою жизнь придёт такое счастье, что ты поймёшь – оно стоило всех твоих потерь.

Март 2019